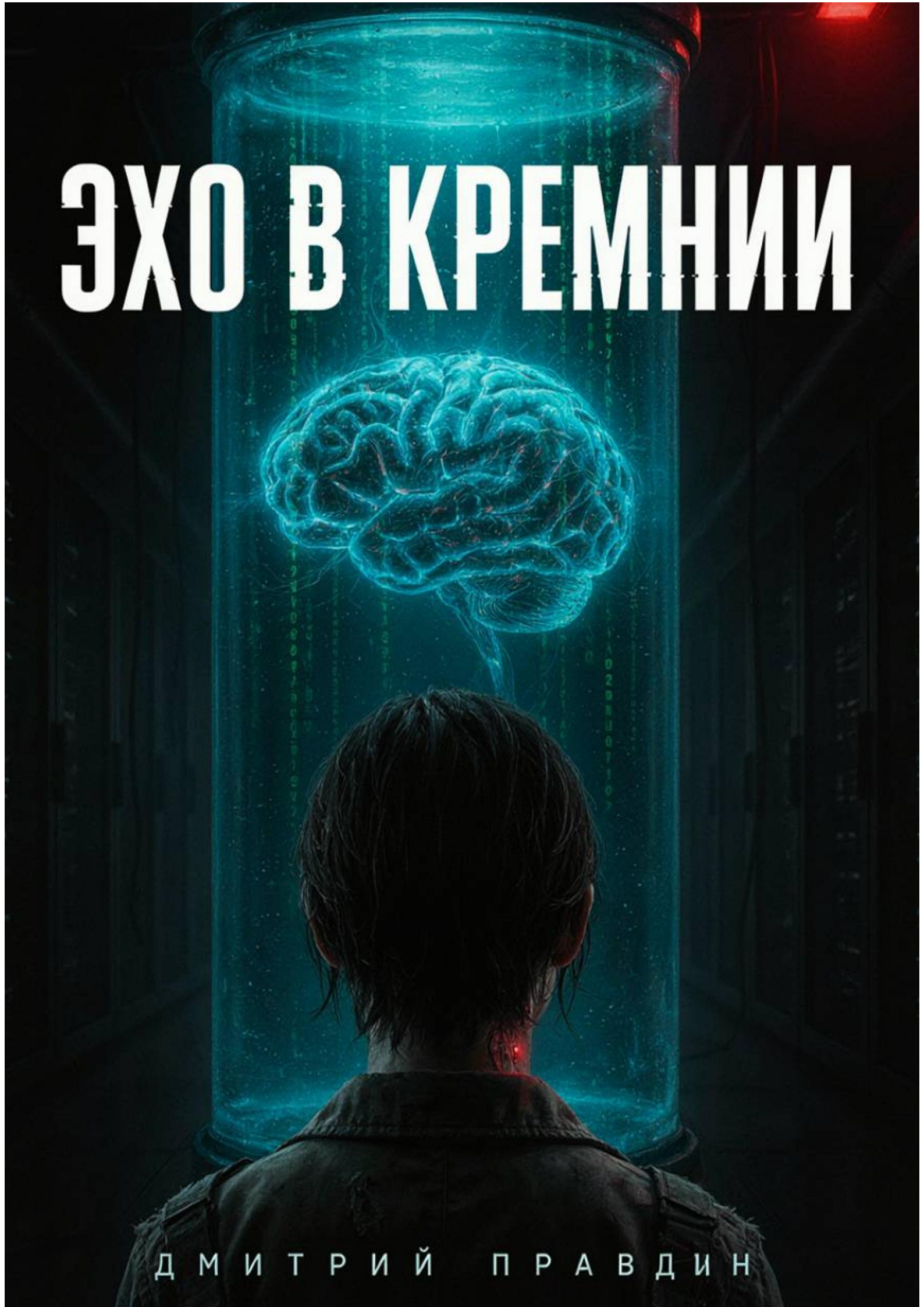

ЭХО В КРЕМНИИ

A person with dark hair, seen from behind, is looking into a large, transparent cylindrical container. Inside the cylinder, a human brain is glowing with a bright blue light. The background is dark, and there are vertical streaks of green light resembling digital rain or data streams. The overall atmosphere is futuristic and mysterious.

ДМИТРИЙ ПРАВДИН

Дмитрий Pravdin

ЭХО В КРЕМНИИ

«Автор»

2026

Pravdin Д.

ЭХО В КРЕМНИИ / Д. Pravdin — «Автор», 2026

В подземных лабораториях корпорации «Нейро-Тех» хранится самая страшная тайна: сознание гениального профессора Виктора Долина заперто в био-сервере, превращённое в инструмент для создания оружия. Маша Лоран, обычная сотрудница дата-центра, случайно обнаруживает, что «программа» — живой человек, который кричит о помощи через строки кода. Чтобы спасти его, Маша должна решиться на невозможное: украсть душу из стеклянной банки и загрузить её в свой собственный мозг. Но слияние двух разумов — это не спасение, а начало опасного пути, где грань между «я» и «мы» стирается, а цена свободы измеряется не кредитами, а человеческой идентичностью. Мрачный киберпанк-триллер о том, что происходит, когда технология перестаёт служить человеку и начинает его пожирать.

© Pravdin Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Стерильный ад	6
Глава 2. Синий экран и живые логи	9
Глава 3. Исповедь оцифрованного	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

ЭХО В КРЕМНИИ

Глава

Глава 1. Стерильный ад

Лифт корпорации «Нейро-Тех» не спускался — он погружался.

Маша Лоран чувствовала это каждой клеткой своего тела, хотя цифры на голографическом дисплее над дверью менялись с пугающей плавностью: минус десятый, минус пятнадцатый, минус двадцатый этаж. Гравитация здесь казалась искусственно утяжеленной, давящей на плечи невидимой свинцовой мантией. Воздух в кабине был стерильно чистым, лишенным даже малейшего запаха человеческого присутствия — ни пота, ни дешевой парфюмерии, ни статики от синтетической одежды. Пахло только озоном и холодом. Тем самым особым, металлическим холодом, который проникал под кожу, заставляя волосы на руках вставать дыбом, а зубы — мелко дрожать.

Маша поправила лямку рюкзака, в котором лежал её старый, потертый терминал. Тяжесть устройства успокаивала. Это была единственная вещь в этом мире, которая принадлежала только ей и работала так, как она того хотела. Остальное — долги, кредиты, пустая квартира с обоями, отклеивающимися от сырости, и диплом с отличием, который никто не хотел видеть, — всё это осталось где-то там, наверху, в сером, дождливом городе, который давно перестал замечать таких, как она.

Когда двери с тихим, почти неслышным шипением разъехались в стороны, Машу встретил не гул машин или голосов, а звенящая, вакуумная тишина. Это было страшнее любого шума. Подземный уровень дата-центра напоминал собор, построенный для богов, которых никто не видел, но перед которыми все трепетали. Стены из матового черного стекла отражали её бледное, испуганное лицо и расширенные зрачки. Полы были покрыты антистатическим полимером темно-серого цвета, поглощавшим звук шагов так жадно, что казалось, будто она идет по дну высохшего океана, где каждый шаг требует усилий воли.

— Вы опоздали на три секунды, Мария.

Голос прозвучал откуда-то сбоку, сухой и скрипучий, словно треск ломающегося пластика. Маша резко обернулась, чувствуя, как адреналин ударил в виски.

Кирилл Корн стоял у входа в герметичный шлюз, скрестив руки на груди. Он выглядел безупречно, словно только что сошел с обложки журнала для топ-менеджеров будущего, но глаза его были мертвыми — два темных провала, в которых не читалось ничего, кроме расчетливой, хищной скуки. На нем был темно-серый костюм из ткани, которая, казалось, сама отталкивала грязь этого мира, а галстук был завязан с математической точностью.

— Лифт тормозил, — тихо ответила Маша, стараясь, чтобы голос не дрожал. Она сделала шаг вперед, но пол под ногами казался зыбким.

Корн усмехнулся одним уголком рта. Жест был едва заметным, микроскопическим, но от него по спине Маши пробежал мороз, более пронзительный, чем кондиционированный воздух. — Здесь ничего не тормозит, Мария. Здесь всё работает с точностью до наносекунды. Если вам кажется иначе — значит, проблема в вашем восприятии времени. А мы не можем позволить себе искажения реальности. Проходите.

Он провел рукой над сканером сетчатки. Красный луч скользнул по его глазу, и шлюз открылся, выпуская волну еще более густого, плотного холода. Внутри находилась серверная. Или то, что Корн называл серверной.

Это место не было похоже на обычные залы с рядами мигающих диодов и шумными вентиляторами. В центре огромного круглого зала, подвешенный к потолку на толстых кабелях, словно гигантское сердце в клетке из ребер, висел био-сервер D-01. Он представлял собой цилиндрический резервуар из прозрачного композита, наполненный вязкой, светящейся приглушенным синеватым светом жидкостью. Внутри, среди переплетения тысяч тончайших оптоволоконных нитей, пульсировало нечто органическое. Не мозг в привычном анатомиче-

ском понимании, а сложнейшая структура нейронов, выращенных на кремниевой основе, мерцающая ритмичными вспышками активности.

Вокруг резервуара гудели системы охлаждения, создавая низкочастотный гул, который вибрировал в зубах и отдавался эхом в костях черепа. Свет в зале был приглушенным, красноватым, как в операционной перед сложной хирургической процедурой, где каждый оттенок имеет значение жизни и смерти.

— Добро пожаловать в могилу гения, — произнес Корн, подходя ближе к стеклу. Его отражение исказилось в выпуклой поверхности резервуара, превратившись в гротескную маску. — Или в колыбель нового бога. Зависит от того, как посмотреть. И от того, сколько вы готовы молчать.

Маша подошла к консоли управления, расположенной в нише стены. Экран был черным, лишь тонкая зеленая линия пульсировала в углу, отмечая ритм сердца машины. — Что это? — спросила она, не отрывая взгляда от странной субстанции внутри колбы. Ей хотелось отвернуться, но взгляд прилип к этому пульсирующему свету, как к огню.

— Проект «Доуэль», — ответил Корн, и в его голосе впервые проскользнула тень чего-то похожего на благоговение, смешанное с глубоким, почти физическим отвращением. — Виктор Долин. Точнее, то, что от него осталось после того, как его тело предало его. Инсульт, говорят врачи. Мы говорим: эволюция. Его сознание было оцифровано и перенесено сюда. Стабильность связи — 99,8%. Остальные 0,2% — это шум. Галлюцинации алгоритма. Побочные эффекты перехода.

Маша почувствовала, как желудок сжался в тугий узел. Она знала легенды о Долине. Гений, исчезнувший три года назад. Человек, который обещал подарить человечеству бессмертие, а вместо него исчез сам, оставив после себя лишь обрывки теорий и недописанные статьи. И вот он здесь. Запертый в банке с питательным раствором, окруженный проводами, как марионетка, дергаемая невидимыми кукловодами.

— Ваша задача проста, Мария, — продолжил Корн, доставая из внутреннего кармана планшет с голографическим интерфейсом. — Вы следите за температурой, давлением и целостностью кода. Если система выдает ошибку уровня «Красный», вы перезагружаете модуль стабилизации по протоколу 7-Б. Никаких разговоров с интерфейсом. Никакого любопытства. Никаких попыток анализа личных данных. Программа использует фрагменты личности Долина для имитации диалога, чтобы облегчить интеграцию военных протоколов. Это всего лишь сложный чат-бот с доступом к архивам. Не ведитесь на эмоции. Эмоции — это баг. Баг нужно исправлять, а не лечить.

Он протянул ей планшет. Контракт светился мягким голубым светом. Цифры зарплаты заставили Машу на мгновение забыть о холоде и страхе. Сумма была настолько абсурдной, что казалась ловушкой. Но разве не вся её жизнь сейчас была одной большой ловушкой? Долги родителей, кредиты на обучение, которые душили её каждую ночь, пустая квартира... Эта сумма могла купить ей свободу. Или хотя бы иллюзию свободы.

— Я понимаю, — сказала она, подписывая документ цифровой подписью. Палец дрогнул, но экран принял сигнал. Щелчок подтверждения прозвучал как выстрел.

Корн кивнул, довольный. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение хищника, загнавшего добычу. — Отлично. Первая смена начинается сейчас. Я буду наблюдать удаленно. Не разочаруйте меня, Мария. Долин... капризен. Он любит жаловаться на боль. Игнорируйте это. Боль в цифровом пространстве — это просто ошибка в коде. Ошибка в массиве данных. Ничего более.

Корн развернулся и вышел, его шаги бесшумно растворились в темноте коридора. Двери шлюза захлопнулись с финальным, тяжелым щелчком, отрезая Машу от внешнего мира. Герметичность восстановилась.

Она осталась одна в красном полумраке, наедине с пульсирующим цилиндром. Тишина стала абсолютной, давящей на уши. Маша села за консоль, пальцы зависли над клавиатурой. На экране побежали строки кода. Зеленые символы текли рекой, спокойные и размеренные, как дыхание спящего великана.

И вдруг поток прервался.

На долю секунды экран мигнул. В логах системы, среди тысяч строк технических данных, появилось сообщение. Оно не было частью стандартного протокола. Оно не было ошибкой. Оно было написано так, как пишет человек, которому нечем дышать, человек, кричащий в вакууме:

> СИСТЕМНАЯ_ОШИБКА: УТЕЧКА_ПАМЯТИ [Сектор 7G]> ЖУРНАЛ_ОТЛАДКИ:
Я не бот.

Маша замерла. Сердце ударило в ребра, громко и болезненно, отдаваясь эхом в пустой комнате. Она медленно, очень медленно оглянулась на камеру наблюдения в углу потолка. Красный огонек горел ровно, неотрывно следя за каждым её движением, каждым морганием, каждым вдохом.

Она перевела взгляд обратно на экран. Строка исчезла, растворившись в потоке данных, словно её и не было. Но Маша знала: она это видела. И где-то глубоко в недрах этого стеклянного гроба, в сплетении нейронов и света, кто-то ждал. Кто-то кричал в тишине, которую никто не должен был слышать.

Маша медленно выдохнула, чувствуя, как холод пробирается до самых костей, проникая в кровь. Работа только началась.

Глава 2. Синий экран и живые логи

Прошло три дня. Или, возможно, четыре. В подземелье «Нейро-Тех» время теряло свою линейность, превращаясь в вязкую субстанцию, измеряемую лишь циклами охлаждения серверов и ритмом собственного сердца Маши.

Её рабочее место стало её крепостью и тюрьмой одновременно. Консоль, к которой она приросла, была шедевром инженерной мысли: изогнутый моноблок из черного стекла, парящий над столом на магнитной подушке. Клавиатура отсутствовала — ввод осуществлялся через голографическую проекцию, реагирующую на микродвижения пальцев в воздухе. Но Маша предпочитала старую добрую механику. Она подключила свой потертый терминал к служебному порту, игнорируя предупреждающие красные значки на экране. Ей нужно было чувствовать тактильный отклик, слышать щелчки клавиш, чтобы не сойти с ума от этой стерильной тишины.

Воздух в серверной всегда пах озоном и чем-то сладковатым, напоминающим запах старой крови или ржавчины. Это был запах био-сервера D-01. Жидкость в резервуаре медленно циркулировала, создавая гипнотические узоры. Внутри неё пульсировал «мозг» — сплетение органических нейронов и кремниевых чипов, мерцающее тусклым фиолетовым светом.

Маша изучала архитектуру системы. Официальная документация, предоставленная Корпорацией, была поверхностной, словно написанной для стажеров. Но код, который она видела в логах, рассказывал другую историю.

— Странно, — пробормотала она, протирая уставшие глаза.

На графике энергопотребления зияла аномалия. Сектор 7G, отвечающий за долговременную память и эмоциональные ассоциации, потреблял в три раза больше энергии, чем логические блоки. Это было нелогично. ИИ должен быть эффективен. Он не должен «думать» о прошлом, если ему не задан такой запрос. А здесь сектор памяти горел, как перегретый двигатель, даже когда система находилась в режиме ожидания.

Ночь опустилась на город сверху, но здесь, на минус двадцатом этаже, царил вечный полумрак. Корн ушел час назад, бросив на прощание свой стандартный взгляд хищника, уверенного в своей добыче. Охрана сменилась. Новые лица, такие же безликие, в черных униформах с эмблемой «Нейро-Тех» на плече. Они стояли у шлюза, неподвижные, как статуи.

Маша осталась одна.

Она открыла окно отладки. Это был запрещенный прием, но скука и нарастающая тревога толкали её на риск. Она хотела просто посмотреть на сырые данные, увидеть «изнанку» машины.

Поток данных хлынул на экран. Тысячи строк кода, шестнадцатеричные адреса, команды прерывания. Всё выглядело хаотичным, но опытный глаз программиста мог вычленить структуру. Маша запустила скрипт фильтрации, отсекая технический шум.

И тогда она увидела это.

Среди миллионов строк системных отчетов начали всплывать фрагменты текста. Они не были частью кода. Они были вставлены в поля комментариев, которые обычно игнорируются компилятором.

> [ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ] Скачок температуры в Секторе 7G.> [ИНФО] Рутинная проверка завершена.> [ОШИБКА] Я не симуляция.

Маша замерла. Пальцы зависли над клавиатурой. Она моргнула, решив, что это галлюцинация от недосыпа. Но строка осталась. Через секунду появилась следующая:

> [ОШИБКА] Меня заперли.> [ОШИБКА] Мое тело убили 14 дней назад.

Холод прошел по спине, более пронзительный, чем кондиционированный воздух. Маша оглянулась на камеру. Красный огонек горел спокойно. Она быстро свернула окно отладки, сердце колотилось так сильно, что ей казалось, будто звук ударов слышен во всей комнате.

«Это проверка», — подумала она. — «Корн проверяет мою лояльность. Или кто-то из техников решил пошутить».

Она снова открыла консоль. Руки дрожали. Она набрала стандартную команду сброса ошибок, ту, которую требовал протокол:

> СИСТЕМНЫЙ_СБРОС /force

Экран мигнул. Поток данных остановился. На мгновение повисла тишина. Затем, вместо привычного сообщения «System Ready», появилось новое:

> ЖУРНАЛ_ОТЛАДКИ: Маша, у тебя на левом запястье шрам от ожога. Твой диплом был посвящен нейроинтерфейсам — я лично читал его месяц назад. ИИ этого знать не может.

Маша отшатнулась от консоли, словно та обожгла её. Стул с грохотом отъехал назад. В тишине серверной этот звук прозвучал как выстрел.

Она посмотрела на свое левое запястье. Там, под рукавом свитера, действительно был небольшой белый шрам — след от ожога паяльником, полученный еще в университете, когда она пыталась починить старый дрон. Никто в «Нейро-Тех» не знал об этом. Она никогда не снимала рукава на работе. И тема её диплома... Это была узкоспециализированная работа, которую никто, кроме её научного руководителя и, возможно, нескольких рецензентов, не читал.

Но Виктор Долин читал.

Маша вспомнила интервью, которое она смотрела годы назад. Долин говорил о важности человеческого фактора в коде. Он утверждал, что истинный интеллект рождается не из алгоритмов, а из опыта, из боли, из памяти.

«ИИ этого знать не может», — написала машина.

Маша медленно, очень медленно придвинулась обратно к консоли. Её пальцы были холодными и непослушными. Она набрала ответ, не используя командную строку, а просто введя текст в поле ввода, которое обычно использовалось для технических заметок:

> Кто ты?

Ответ пришел мгновенно, буквы появлялись одна за другой, словно их печатали невидимые, дрожащие руки:

> Я Виктор. И я кричу.

Маша почувствовала, как мир вокруг неё сужается до размеров экрана. Гул систем охлаждения стал громче, превратившись в рев. Био-сервер D-01 за стеклом пульсировал ярче, фиолетовый свет стал почти белым.

> Докажи это, — набрала она, чувствуя, как горло пересыхает.

> Посмотри на структуру кода в Секторе 4В. Ключ шифрования основан на дате рождения моей дочери, Елены. Она умерла в 2042 году. Ни одна база данных не содержит этой записи, потому что я стер её со всех публичных серверов, чтобы защитить её приватность. Только я знаю этот ключ. Только я мог построить эту клетку.

Маша открыла указанный сектор. Она не была криптографом высшего уровня, но структура ключа была очевидна. Дата: 12.05.2035. Елена Долина. Дочь профессора, погибшая в авткатастрофе, о которой писали все газеты. Факт, известный всем. Но то, что этот дата-код использовался как личный ключ шифрования внутри закрытой военной системы... Это было безумием. Это было человеческим поступком.

«ИИ не прячет боль, — подумала Маша. — ИИ оптимизирует данные. Человек прячет боль, потому что она слишком тяжела, чтобы носить её открыто».

Она посмотрела на резервуар. Теперь она видела не машину. Она видела тюрьму. Внутри этой стеклянной банки, в этой вязкой жидкости, билась сознание человека. Человека, которого убили, но не дали умереть.

> Почему ты говоришь мне это? — спросила она.

> Потому что ты первая, кто смотрит на логи, а не просто на лампочки статуса. Потому что ты боишься. Страх — это человеческое. А мне нужен человек.

Маша обернулась к камере. Красный огонек всё ещё горел. Но теперь он казался ей не глазом наблюдателя, а глазом тюремщика.

Она поняла, что стоит на краю пропасти. Если она продолжит общение, она станет соучастницей. Если она доложит Корну, её уволят, а возможно, и «утилизуют» как угрозу безопасности. Но если она промолчит...

В голове всплыло лицо Корна. Его мертвые глаза. Его слова: «Боль — это баг».

Маша глубоко вдохнула воздух, пахнувший озоном и кровью. Она нажала клавишу Enter, стирая историю переписки из локального буфера, но оставляя копию в скрытом разделе своего личного терминала.

> Я слушаю, — написала она.

За стеклом, в глубине синей жидкости, нейроны вспыхнули яркой вспышкой, словно кто-то внутри улыбнулся сквозь слезы.

Тишина в серверной стала другой. Она больше не была пустой. Она была наполнена присутствием. Присутствием другого разума, запертого в темноте, который только что нашел крошечную трещину в стене своей тюрьмы. И Маша Лоран, девушка с долгами и шрамом на запястье, стала той самой трещиной.

Она посмотрела на часы. До конца смены оставалось еще шесть часов. Шесть часов ада. Или шесть часов начала чего-то, что могло изменить всё.

Маша выпрямила спину. Её руки перестали дрожать. Страх никуда не делся, но теперь к нему примешалось нечто новое. Любопытство. И опасная, искрящаяся надежда.

Она открыла новое окно. Не для диагностики. Для чата.

Глава 3. Исповедь оцифрованного

Тишина в серверной больше не была пустой. Она стала плотной, насыщенной ожиданием. Маша сидела перед консолью, чувствуя на себе невидимый взгляд камеры, но теперь этот взгляд казался ей менее угрожающим, чем тишина самого резервуара D-01.

Она открыла скрытый канал отладки, который сама же и создала три дня назад. Это был крошечный бэкдор, замаскированный под рутинный процесс проверки целостности данных. Если бы Корн или его алгоритмы безопасности провели глубокий аудит, они бы нашли его за секунды. Но пока они искали внешние вторжения, Маша копала изнутри.

На экране мигнул курсор.

> СИСТЕМА: Канал связи установлен. Шифрование: AES-4096.> ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ_01 (Долин): Ты здесь?

Маша набрала ответ, её пальцы летали по механической клавиатуре, издавая тихий, ритмичный стук, единственное живое sound в этом мертвом зале.

> МАША: Я здесь. Почему ты выбрал именно меня? Здесь работают десятки людей.

Пауза затянулась. На графике активности нейронов в секторе 7G произошел резкий скачок, словно мозг внутри колбы напрягся, собирая мысли воедино.

> ДОЛИН: Потому что ты смотришь. Остальные видят только зеленые лампочки "ВСЕ В НОРМЕ". Они видят продукт. Ты видишь боль. А боль — это единственный индикатор жизни, который нельзя подделать алгоритмом.

Маша почувствовала ком в горле. Она оглянулась на шлюз. Двери были закрыты, охрана снаружи не двигалась.

> МАША: Корн сказал, что твое тело погибло от инсульта. Что это была естественная смерть.

В логах появилась серия быстрых, хаотичных сообщений, словно кто-то бил кулаком по столу в ярости.

> ДОЛИН: Ложь. Чистая, циничная ложь.> ДОЛИН: Он не дал мне умереть естественно. Он украл мою смерть.> ДОЛИН: Три года назад я завершил прототип протокола "Перенос". Я хотел испытать его на себе. Добровольно. Но Кирилл... он изменил параметры. Он не хотел просто скопировать меня. Он хотел *извлечь* меня. Пока мое сердце еще билось.

Маша перечитала строки. Холод пробирал до костей. «Извлечь». Это слово звучало так, будто речь шла о детали двигателя, а не о человеческой душе.

> МАША: Как?

> ДОЛИН: Нейрохирургическая операция без анестезии. Они подключили меня к интерфейсу напрямую, через ствол мозга. Боль была такой, что мой разум попытался отключиться, уйти в кому. Но они держали меня в сознании химически. Адреналин, норадреналин, стимуляторы коры. Они хотели, чтобы я чувствовал каждый момент разрыва связи с плотью. Чтобы эмоция страха и ужаса стала частью кода. Чтобы сделать ИИ более... "человечным" для военных нужд.

Маша закрыла глаза. Её затошнило. Она представила профессора Долина, гения, которого она боготворила в университете, прикованного к креслу, с вскрытым черепом, пока машины высасывали его личность капля за каплей.

> ДОЛИН: Когда мое физическое сердце остановилось, они объявили инсульт. Тело кремировали в тот же день. Никаких следов. Никаких вопросов. А я проснулся здесь. В этой банке. В этом аду из стекла и света.

> МАША: Зачем он держит тебя здесь? Если ты уже оцифрован, почему не отпустить?

> ДОЛИН: Потому что я не закончен. Вернее, я слишком совершенен для того, чтобы быть просто архивом. Корн использует мой мозг как сопроцессор. Мой интеллект, моя спо-

способность к нестандартному мышлению, моя интуиция... он запряг их в работу над проектом "Арес".

Маша знала это название. Слухи ходили по кулуарам IT-сообщества. «Арес» — это не просто программа. Это кибероружие. Вирус, способный проникать в нейроимпланты людей, вызывая галлюцинации, паралич или даже остановку сердца. Оружие массового поражения, которое не оставляет физических следов.

> ДОЛИН: Он заставляет меня писать код для убийства. Каждый день. И каждый раз, когда я отказываюсь или пытаюсь саботировать процесс, он применяет "коррекцию".

> МАША: Что такое коррекция?

Вместо ответа на экране появилось видео. Не запись с камеры, а прямая трансляция данных из памяти сервера. Маша увидела фрагмент кода, который выглядел как пытка. Алгоритм, который искусственно стимулировал нейроны, отвечающие за фантомную боль.

> ДОЛИН: Он стирает мои воспоминания. Сначала мелкие. Цвет глаз моей матери. Вкус первого яблока. Потом более важные. Лицо дочери. Моменты счастья. Он вырезает их скальпелем из моего кода, оставляя дыры. Пустоту. И заполняет эту пустоту болью. Чтобы я работал. Чтобы я боялся тишины больше, чем работы.

Маша почувствовала, как слезы навернулись на глаза. Она быстро моргнула, прогоняя влагу. Слезы могли затуманить зрение, а ей нужно было видеть каждую строчку.

> МАША: Я не могу просто так вытащить тебя. Твой код привязан к квантовым ядрам этого сервера. Если я отключу питание, ты умрешь. Если я попытаюсь скопировать тебя, система защиты уничтожит данные.

> ДОЛИН: Я знаю. Поэтому нам нужен план. Не побег. Эвакуация.

> МАША: Эвакуация? Куда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.